

Ц. Б. ЦЫДЕНДАМБАЕВ

К ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОВОРОВ ДОБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ

Отдел языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, продолжая сбор диалектологических материалов, в 1962, 1963 и 1964 гг. провел работу по экспедиционному обследованию говоров добайкальских бурят. В октябре — ноябре 1962 г. велась работа среди унгинских и аларских бурят с охватом также усть-удинских, китайских и частично зиминских бурят. В мае 1963 г. небольшой отряд на короткое время посетил нежнеудинских, тулунских и зиминских бурят. В июне этот отряд занимался сбором диалектологического материала среди бурят Осинской и Идинской долин. В мае — июне 1964 г. мы охватили экспедиционной работой бурятское население Эхирит-Булагатского, Качугского и Ольхонского районов. Таким образом, за три года были обследованы все те места Иркутской области, где в данное время буряты являются постоянными жителями.

В результате поездок к добайкальским бурятам нами собран довольно значительный исследовательский материал¹. В данной статье использован он не полностью, поэтому настоящее сообщение будет носить предварительный характер². В нем, во-первых, указывается на наиболее заметные языковые признаки, отличающие говоры западных бурят, взятые в целом, от других бурятских говоров; во-вторых, приводятся отдельные моменты расхождений между самими западнобурятскими говорами; в-третьих, освещаются данные, которые в известной мере дают основание говорить об иных границах бытования западных говоров в целом и по частям; в-четвертых, выдвигаются предложения о возможности разнопланового подхода при классификации бурятских диалектов; и, наконец, в-пятых, кратко излагаются предстоящие задачи изучения бурятских диалектов.

Говоры добайкальских бурят наряду с общей основой с другими бурятскими говорами существенно отличаются от последних по ряду лексических, фонетических и морфологических признаков.

Особенно значительными являются лексические расхождения. Они в той или иной степени имеют место почти во всех областях и пластах словарного состава.

Так, например, названия частей тела человека и термины родства

¹ Материалы хранятся в рукописном отделе БФ СО АН СССР.

² Публикуемая статья представляет собой отредактированный доклад, сделанный автором на IV межвузовской зональной конференции языковедов Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в г. Улан-Удэ в сентябре 1964 г.

относятся к одним из древних пластов лексики. Тем не менее, если основные названия частей тела человека, употребительные в западнобурятском наречии, в основном соответствуют как восточнобурятским, так и южнобурятским названиям¹, а разнятся лишь в отдельных деталях, то в терминах родства уже наблюдаются различия в некоторых даже основных понятиях. «Мама» по-западнобурятски будет *маама* || *ибии* || *ибии*, по-восточнобурятски *эжы*, по-южнобурятски *эджи*; «дед» по-западному *төө баабаэ*, по-восточному *үшгэн баабаэ*, по-южному *үшгэн аша*; при обращении к старшей сестре по-западному ее назовут *гаагаэ* и *ахадаэ*, по-восточному *ашгаэ*, по-южному *ахаэ*. Правда, более общие термины родства, такие как *эхэ* (мать), *эсэгэ* (отец), *аха* (старший брат), *эгэшэ* (старшая сестра), *дүү* (младший), *хүшүүн* (сын), *басаган* (дочь) общепотребительны.

Основные названия домашних животных в общем идентичны во всех бурятских наречиях. Вместе с тем имеются различия в частности. Например, в западных говорах слово *үхэр* употребляется в значении «бык», тогда как в восточных — «рогатый скот». В некоторых местах Добайкаль вместо общего названия *хур'ган* || *хурган* (ягненок) или наряду с ним бытуют *бугшаа* (в некоторых местах Боханского района, в селах Икинат и Балтуй Аларского района), *хурвэ* (в Курумчинском кусте Эхрит-Булагатского района); вместо общего названия *јамаан* || *н'амаан* (коза) — *шоогэ* (в восточной части качугских и ольхонских бурят). Однако когда дело касается понятий, связанных с оседлым образом жизни: названий дома и его частей, домашних пристроек и т. п., мы наблюдаем серьезные различия не только между наречиями, но и между отдельными говорами. Достаточно напомнить, что в западных говорах слово «дом» (русского типа) имеет названия *соол*, *тура*, *базиан*, *гооронсо* и другие, тогда как в восточных говорах употребительно слово *гэр* и лишь отчасти *базиан*.

Большая пестрота наблюдается в бытовой лексике. Если названия наиболее крупных вещей и значительных явлений, а также обобщающие родовые понятия имеют более или менее единую основу, то названия мелких вещей и несущественных явлений, а также видовые понятия нередко имеют расхождения как по наречиям, так и по говорам. Так, например, слово *дэгэл* (шуба) известно всем, но *хунаат'и* (женский халат) знают только западные буряты, а *уужа* (безрукавка для женщины) — восточные. Сочетание *сагаан эо'ээн* (молочная пища) общеизвестно, тогда как *хүрэнгэ* (кислое квашенное молоко) бытует только в западнобурятских говорах, а *аэраг* в восточнобурятских.

Многочисленные расхождения в бытовых названиях и иногда даже в бытовых понятиях, разноречивостью в некоторых животноводческих терминах и тем более в названиях продуктов животноводства, отдельные случаи несовпадения в терминах родства — все это свидетельствует о том, что носители бурятских наречий в свое время жили в разных условиях. В этом отношении особенно показательно различие между бурятскими наречиями в области заимствованной из других языков лексики.

Если исключить общие для монгольских и тюркских языков слова, то тюркизмы обнаруживаются главным образом в западных говорах: *баран* (все), ср. древнетюрк. *bary* (все)²; *будан* в фольк. (народ), ср. древ-

¹ Под восточнобурятскими названиями здесь и далее подразумеваются названия, употребительные в восточном, или хоринском в широком смысле слова, наречии; под южнобурятскими — названия, употребительные в южном наречии, иначе говоря, в говорах селенгинских цонголов и сартулов, а также олонских хамниган.

² См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951 (словарь).

нетюрк. *bidun* (народ)¹; *ибии* || *ибиши* (мама), ср. башк. *эбей* (старшая сестра отца или матери), тат. *эби* (бабушка), якут. *эбэ* (бабушка)²; *таа-в таабаз* алар. и *төө* (или *тоо*) в сочет. *төө баабаз* (дедушка), ср. кирг. *тага* (дядя со стороны матери)³, узб. *тога* (дядя по матери)⁴; *хүрвэ* курамч. (ягненок), ср. азерб. *кэрпэ* (десятидневный ягненок), казах. диал. *көрпөздөш* (ягненок раннего приплода)⁵; *хүүр* (слово), ср. древнетюрк. *kü* || *kür* (молва, слух)⁶; *шахмаар* (деревянная колотушка) и др.

Но некоторые китайско-маньчжурские слова, вошедшие, должно быть, через монгольское посредство, а также тибетизмы, проникшие в связи с распространением ламаизма, употребительны в говорах восточных бурят, но носителям добайкальских бурятских говоров они не известны или почти не известны. Если слово «окно» по-восточнобурятски наряду с *онгоошхо* значит еще *сонхо* (от кит. *шонхо*), то по-западнобурятски — *шагаабар* || *шабаагар*; «подушка для седла» по-восточнобурятски *майууза* (от кит.), а по-западнобурятски *огдо* устар. || *будуушха* совр. Для восточных бурят понятны такие тибетизмы, как *худар* (сутра), *жаса* (фонд), *жаган* (кухня) и много других, которые не известны западным бурятам.

Займствования же из русского языка широко бытуют во всех бурятских говорах (западных, восточных, южных). Более того, по количеству займствований из русского языка они давно начали подравниваться: если раньше западные говоры в своем словарном составе имели заметно большее количество русизмов, чем восточные и южные, то теперь последние усиленно догоняют западные.

Говоры бурят, населяющих Иркутскую область, в фонетическом плане стоят значительно ближе к восточным говорам, но весьма ощутимо отличаются от южных, то есть сакающих, говоров, в которых отмечается иной состав фонем: употребляются спирант *с* вместо фарингального *h*, аффрикаты *дж*, *дз*, *ц* и *ч* вместо согласных *ж*, *з*, *с* и *ш*, встречаемых в других бурятских говорах.

Все бурятские наречия в основном находятся в одном русле, когда дело касается действия таких фонетических явлений, как гармония гласных в основе слова, оглушение звонких согласных перед глухими и в конце слова, редукция кратких гласных в непервых слогах. Однако в отношении фонематичности и позиционного употребления отдельных звуков, степени палатализации звуков встречаются различия как между отдельными наречиями, так и между говорами.

Так, например, краткий гласный звук *ө* в смысле его фонематичности выглядит по-разному: в южнобурятском наречии он не претерпел изменения, в основном сохранился в западнобурятском и потерял самостоятельность в восточнобурятском наречии.

В западных говорах фариингальный согласный звук *h* имеет тенденцию к потере самостоятельности. В Добайкалье это явление довольно ярко выражено в Нельхайском кусте Аларского района (село Балтуй), где так же, как и в Байкало-Кударе, говорят *хаэн* вм. *һаэн* (хорошо), *хурьха* вм. *һураха* (спрашивать), *хуури* вм. *һуури* (место для сидения).

¹ См.: там же.

² См.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, стр. 32.

³ См.: там же, стр. 48.

⁴ См.: там же, стр. 50.

⁵ См.: там же, стр. 144. С казах. диал. *көрпөздөш* ср. бур. лит. *хүрбэдхэ* (шкура ягненка зимнего, то есть раннего, приплода).

⁶ См.: С. Е. Малов. Указ. соч., словарь. В бурятском фольклоре употребителен глагол с общим со словом *хүүр* корнем *хүү-* в парном сочетании — *хэлэн хүүнэн байба* (рассказывал подпевая, говорил речитативом).

Употребление заднеязычного звука *x* вместо фарингального *h* встречается изредка также по Унге, Алари, Иде, Куде и Качугу. На западе довольно распространенным является выпадение интервокального *h*, особенно в конце слова. У осино-идинских и аларо-унгинских бурят, наоборот, отмечается употребление *h* вместо *x*. Например, *хүүргэ* в.м. *хүүргэ* (мост), *хамаабүэ* в.м. *хамаабүэ* (ничего; безразлично), *Хүндээ* в.м. *Хүндээ* (Хундуй — название местности) и т. п.

В употреблении начального щелевого *ж* и отчасти *з* в западном наречии наблюдается большой разнобой: нижеудинцы вместо *ж* употребляют мягкий *д'*, аларские и унгино-балаганские буряты — *ж*, а далее на восток — щелевой сонант *ј*. Представители же восточного наречия употребляют только согласный *ж*, а южного наречия — только аффрикату *дж*. Приведем пример: «год» по-нижеудински будет *д'ил*, по-аларо-унгино-балагански *жил*, по-бохано-эхиритски *јил*, по-восточному *жил*, по-южному *джил*.

Общим для всех наречий является то, что переднеязычный *и* палатализует предшествующий ему согласный. Однако в западных говорах, так же как и в южных, имеет место ассимиляция гласного *и* с другими гласными в слове, в силу чего нередко исчезает и палатализация. В восточных говорах палатализация не только не теряется, но палатализирующую роль играет и среднеязычный узкий гласный *е*. Из сказанного выше видно, что в исследуемых наречиях имеется значительное различие в палатализации согласных.

Кроме фонетических различий, в бурятских местных наречиях обнаруживаются и различия грамматического характера.

Количество и содержание падежей имен одинаково во всех бурятских наречиях, но падежные окончания в них варьируются. Прежде всего, отмечается различие в окончаниях родительного падежа имен. В западном наречии после слов, оканчивающихся на согласный, повсеместно употребительно окончание *-и* вместо, *аэ*, а иногда и наряду с ним. Например, говорят *гал* — *гал'и* (огонь — огня), *мор'ин* || *м'орон* — *мор'ин'и* || *м'орѣн'и* (конь — коня), тогда как в восточном наречии употребляются только *галаэ*, *мор'иноэ*, в южном — *галын*, *мор'ины* и т. п. Слова, оканчивающиеся на краткий гласный, в западном наречии получают окончание *-эн (-ин)* вместо *-ын*, наблюдаемом в восточном и южном наречиях: на западе, например, говорят *хада* — *хадаэн* (гора — горы), а на востоке — *хадын* и т. п. На западе sporadически, но почти повсеместно отмечается тенденция к выпадению фарингального *h* в окончании исходного падежа. Например, можно услышать и *гэрнээ гараа* и *гэрѣэ гараа* (вышел из юрты). В эхирит-булагатском говоре формант исходного падежа употребляется с кратким гласным: *эндэнэ* вместо обычного *эндэнээ јашаа* (ушел отсюда). В западнобурятских говорах соединительным согласным между дифтонгом основы и формантом орудного падежа *-аар* служит сонант *ј* вместо согласного звука *г* на востоке. Например, *минајаар сот'ихо* (ударять бичом), *хололоорѣн ууха* (пить через горлышко) и т. п.

Суть реализации категории числа имен одноподобна во всех бурятских наречиях, но в употреблении формантов множественности в них имеется некоторое различие. В западных говорах после основ с конечной долготой употребляется суффикс *-һууд*: *буу* — *бууһууд* (ружье — ружья), *тах'аа* — *тах'ааһууд* (курица — куры) и т. п. Между тем в говорах восточных бурят такого суффикса нет. В свою очередь на западе отсутствует суффикс *-нар*. Имеются и некоторые другие явления, которые мы не имеем возможность осветить в силу краткости предлагаемого вниманию читателей сообщения.

В остальных случаях категории и разряды именных частей речи в общем совпадают во всех бурятских наречиях.

Категории и разряды глаголов также в основном идентичны во всех наречиях. Однако в употреблении отдельных глагольных форм наблюдаются известные расхождения, в частности употребление деепричастия предела: в западнобурятском наречии употребляется аффикс *-са*, в восточнобурятском — *-тар*, в южнобурятском — *-сар*. На западе употребительно причастие на *-ааша*, на востоке более в ходу причастие на *-даг*. Причастие прошедшего времени на *-нхээ* широко бытует на востоке, но вовсе не известно как на западе, так и на юге этнографической Бурятии. В западных говорах, в особенности эхиритских по происхождению, употребительна форма обращения 2-го лица множественного числа на *-штуун* вместо более употребительной в бурятском языке *-гты*. В западном наречии, в противовес восточному, весьма распространено слияние вспомогательного глагола *баэ* (быть, становиться), превратившегося в формант *-аэ*, с соединительным деепричастием основного глагола, в результате чего возник новый аффикс *-жаэ* (из *жа + -аэ*), образующий глагол изъявительного наклонения.

Таковы наиболее значительные расхождения между западным, восточным и отчасти южным бурятскими наречиями в области морфологии. При более тщательном рассмотрении эти расхождения в большинстве своем оказываются фонетическими вариациями, каковыми, по-видимому, являются падежные окончания, формант множественного числа *-һууд* || *-сууд* || *-дууд*, аффикс предельного деепричастия *-са* || *-сар* || *-тар*, форма обращения на *-штуун* || *-гтун* || *-гты*. Тем не менее приведенные факты говорят о том, что между бурятскими наречиями имеются не только лексические и фонетические различия, но и грамматические.

Различия, наблюдаемые внутри наречия, то есть между говорами и подговорами, оказываются сравнительно менее значительными. Несмотря на то, что родоплеменной состав носителей добайкальских бурятских говоров очень разношерстный (состоит из 22 булагатских и присоединившихся к ним родов, 9 эхиритских, 13 хонгодоровских и присоединившихся к ним, 5 зунгаровских, 5 хоринских, 13 мелких ответвлений монгольского происхождения, 6 тюркских и 6 прочих, всего 79 родов)¹,

¹ Согласно сведениям, полученным от знатоков старины Западной Бурятии, причисляются:

а) к булагатским родам: алагуевцы (алагуй), куркуты (хүрхүүд), готольцы (готол), к булановцы (буян), шаралдаевцы (шаралдай), бубеевцы (бүүбэйн дүрбэн), бабаевцы (бубайн найман), харануты (харанууд), курамчинцы (хурамша), ашибагаты (ашабгад), онгоевцы (онгой), онхотоевцы (онхотой), хогоевцы (хоогой), нойоты (ноёд), дурлаевцы (дурлай), янгуты (енгүүд), олзоевцы (олзой), кульменговцы (хүлмэйнгэ), муруевы (муруй), булуты (булууд), бузгаты (бузгад) и мансаевы (мансагтан);

б) к эхиритским родам: хадаловцы (хадаалайн долоон), буровцы (буурайн найман), харбадевцы (харбада), абаевцы (абзай), шоноевцы (шоно), ользоновцы (олзон), баяндаевцы (баяндай), балтаевы (балтай) и токтоевы (тогтоо);

в) к хонгодоровским родам: ашхаевцы (ашхай), тайбажановцы (тайбжан), хактуевцы (хагта), дуритынцы (дүрэтэн), долонгуты (долоонгууд), бадархановцы (бадархан), болдоевцы (болдой), шарануты (шаранууд), наймангуты (наймангууд), хабарнуты (хабарнууд), дардаевы (дардайтэн), шошолоки (шошоолог) и бурюткинцы (бурюудха);

г) к зунгаровским родам: цыгенуты (сэгээн), быкоты (бүхэд), икинаты (икинаад), мунхалюты (мунхалюуд) и барунгарцы (баран гар);

д) к хоринским родам: шарайты (шарайд), нохойруки или галзуты (нохойругу, али галзууд), нагатаевцы (нагатэй), нохоевцы (нохой) и боронуты или гучиты (боронууд гу, али гушад);

е) к родам монгольского происхождения: хангинцы (хангин), хара-монголы (хара монгол), харията-монголы (харьяата монгол), хойхи (нойно), хара-хоршинцы (хара хоршон), цаган-хоршинцы (сагаан хоршон), янтай-хоршинцы (янтай хоршон),

а также несмотря на то, что они расселены на большой, местами разрозненной территории — от Нижнеудинска до Кулинги, от Кизи и Мольки Усть-Удинского района до Кочерково Ольхонского района и Голоустное Иркутского сельского района, — наречие западных бурят, как показывают материалы, в общем по своей основе едино и состоит из ряда говоров и подговоров, между которыми имеются лексические и фонетические расхождения, но нет (или почти нет) морфологического разнобоя.

Для окончательного установления говоров и подговоров, входящих в западнобурятское наречие, мы не располагаем достаточным материалом, тем не менее хотелось бы указать на некоторые контуры намечающихся локальных группировок с учетом, разумеется, не только собранного нами материала, но и известных в литературе данных по бурятским диалектам.

По всей вероятности, выделение языка нижнеудинских бурят в особый говор¹ сомнению не подлежит. Следует отметить, что на этом говоре говорит не только население сел Кушун и Мунту-Булок, то есть собственно нижнеудинские буряты, но и население сел Кукшанай и Подсочка Тулунского района. Первые два села имеют 105 дворов, последние — 17. Преобладающая часть бурят, проживающих в этих селениях, по своему происхождению является монгольскими элементами, среди которых преобладают хоршинцы. Однако в составе нижнеудинско-тулунских бурят имеются и представители собственно бурятских (или давно обурятившихся) родов ашибагат и кульменга.

Самой разительной особенностью языка нижнеудинских бурят является наличие в нем смычного звука *к* и аффрикативного *кх*. Например, они говорят *куур* вм. *хуур* (слово), *кхада* вм. *хада* (гора) и т. д. В лексическом и особенно в фонетическом отношении этот говор серьезно отличается от других западнобурятских говоров, но значительных грамматических отличий от последних не обнаружено.

В диалектологической литературе под аларским говором принято подразумевать в одних случаях говор только аларцев², в других — говор аларцев и унгинцев, взятых вместе³. Мы будем придерживаться последнего мнения, но с некоторыми уточнениями. Во-первых, считаем более приемлемым называть данный говор, как это иногда встречается в литературе, аларо-унгинским. Во-вторых, основываясь на материалах Аларо-унгинской диалектологической экспедиции БКНИИ СО АН СССР 1962 г., вносим коррективы в территорию, охватываемую этим говором:

тымешины (тэмээшэ), турялаки (туряалаг), курдуть (хурдуут гү, али хуурдад), кулдуты (хулдууд гү, али хулдад), хара-дархаты (хара дархад) и ко-дарханы (хөө дархан); ж) к родам тюркского происхождения: котобцы (котоб), малжаруки (маалжарар), хан-киргизовцы (хан киргис), хатан-киргизовцы (хатан киргис), сойоты (хоёд) и сартулы (хартуул);

3) к прочим родам: нараты (нараад), кунькены (күнэкэн), харимагины (хари-маган), зудеевы (зудэй), санхайруки (санхайруг) и сажаруки (саажаруг). Сюда отнесены те роды, о которых мы не смогли добыть сколько-нибудь определенные данные. Возможно, что первый из этих шести родов (нараад) по своему происхождению является звенкиским, а последние два (санхайруг, саажаруг) — ответвлениями (поколениями), происшедшими от каких-то бурятских родов.

Следует отметить, что приведенная здесь группировка западнобурятских родов носит во многом условный характер.

¹ О говоре нижнеудинцев см.: Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л., 1930; А. А. Дарбеев а. Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 118—125.

² См.: «Аларский говор». Ч. I, Л., Изд-во АН СССР, 1930.

³ См.: Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Ученые записки ЛГУ», № 98, серия востоковедных наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 191—195.

с одной стороны, из территории данного говора следует исключить, условно называя, Нельхайский куст, куда входят села Бахта, Хадахан, Ундур-Хуан, Нельхай, Абхайта, Заңгей и Кундулун, в которых употребляются в начале слов среднеязычный щелевой сонант *j* вместо щелевого мягченного звонкого согласного звука *ж*, употребительного в языке других аларо-унгинских бурят; с другой стороны к территории аларо-унгинского говора следует отнести бурятские села Норы (Ноэр) и Баргидай (Баргадаэ) Зиминского района, а также Кижя (Хэжэ), Молька (Моэлто), Халютай (Хал'уута) и Лобагой (Лобгоэ) Усть-Удинского района, находящиеся на правом берегу Ангары.

Наиболее существенным отличием языка аларо-унгинцев от языка соседних боханских бурят является употребление в начале слова согласного *ж* вместо *j*. Кроме того, имеются и некоторые другие фонетические и лексические расхождения.

Говоря как бы о едином аларо-унгинском говоре, нельзя пройти мимо некоторых фактов, противоречащих такому пониманию. Прежде всего, по своему происхождению унгинцы и аларцы явно отличаются друг от друга: унгинцы в основном состоят из трех булагатских (олзой, кульменга, муруй), двух зунгаровских (икинат, быкот) и двух обогоновских (онгой, хогой) родов, тогда как аларцы состоят в основном из хонгодоровских родов. Возникает вопрос: действительно ли между ними нет значительных языковых различий, как кажется, судя по имеющимся у нас данным? Нельзя не задать такого вопроса еще и потому, что даже говор собственно аларцев, как удалось заметить, имеет внутри себя не только лексические, но в известной мере и грамматические различия: в селах Бурков и Бадархан говорят *јэраа* (пришел), *ошаа* (ушел) и т. д., западнее же этих мест окончание причастия прошедшего времени подчиняется закону гармонии гласных; кроме того, в с. Ныгде и вокруг него сильно окают. Следовательно, подлежит дальнейшему выяснению вопрос о цельности говора самих аларцев, которые по своему происхождению состоят из конгломерата родов, в большинстве своем называемых хонгодоровскими¹.

В нашей диалектологической литературе выделяется боханский говор, под которым подразумевается язык бурят, населяющих Идинскую и Осинскую долины². Но эта территория должна быть расширена за счет

¹ Проф. Г. Д. Санжеев пишет, что «В аларском диалекте можно установить говоры собственно аларский (носители — преимущественно хонгодоры), бурковский (главным образом сартулы) и алятский (в основном икинаты), первый из которых оказывается ведущим и постепенно вытесняющим собой последние». (Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 53). Если не иметь в виду отмеченное по другому поводу о языке бурковцев (см.: там же, стр. 51), то приведенное деление аларского «диалекта» на три «говора» основано только на родовом различии их носителей. Вообще говоря, нет сомнения в том, что родовые различия бурят продолжают сильно сказываться на их языковых своеобразиях. Но в данном случае вызывают сомнения сообщаемые проф. Санжеевым сведения о родовой принадлежности бурковцев и алятцев. По нашим данным, в селах Бурков и Бадархан, расположенных рядом, имеется 85 дворов, преобладающую часть жителей которых (процентов 70) составляют наймангуты и бадарханцы, а к сартулам относятся всего лишь 1 двор. О с. Аляте наши сведения неточны. По весьма приблизительным данным, в нем имеется 180 дворов, относящихся, насколько удалось установить, к 7 родам. Наиболее многочисленными здесь считаются ашхаевцы и хабарнуты (харгана), но вовсе не упоминаются икинаты. Кроме того, следует заметить, что Г. Д. Санжеев, утверждая о наличии трех аларских говоров, совершенно обходит вопрос об их границах бытования. Вот почему думается, что в диалектном отношении территория Алары еще недостаточно расследована.

² См.: Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 185—190; М. П. Хомонов. Некоторые данные о говоре боханских бурят. «Сб. трудов по филологии, вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 277—282; Е го же. Боханский говор. «Исследование

Нельхайского куста, находящегося на левобережье Ангары, села Саягуты Иркутского сельского района, а также улусов Идан, Чебагор, Кяхта и Шарасун Усольского района, в которых живут китойские буряты.

Как уже отмечалось выше, боханцы отличаются от западных своих соседей тем, что вместо щелевого согласного *ж* в начале слова они употребляют сонант *ј*. Существенным различием является также то, что носители боханского говора в качестве окончания родительного падежа имен с конечным согласным употребляют только *-и*, тогда как аларунгинцы и эхирит-булагаты — как *-и*, так и *-аэ*. Боханский говор имеет и другие фонетические и лексические своеобразия.

Носители боханского говора по своему родоплеменному составу на 9/10 являются булагатцами. К ним относятся индинские буряты — в основном готольцы и шаралдаевцы; осинские — представители трех обогоновских родов: онгой, онхотой и хогой, также янгуты, готольцы и нойоты, проживающие по Осе; китойские — в основном куркуты, нельхайские — нойоты.

В современной литературе по бурятской диалектологии выделяются эхирит-булагатский говор, носителями которого считаются буряты, проживающие по Куде и Баяндаю¹, и качугский говор, носителями которого признаются буряты, проживающие по бассейну реки Лены². По нашему мнению, достаточных оснований для выделения так называемого качугского говора не имеется. Материалы наших экспедиций показали, что на всей территории Эхирит-Булагатского и Качугского районов Иркутской области говорят в общем на одном эхирит-булагатском говоре.

На этой территории йокают, что вполне понятно, так как Эхирит как раз и есть родина этого явления на бурятской почве. В говоре эхирит-булагатов гласные по своему месту образования под влиянием последующего гласного *и* или палатализованного согласного передвигаются вперед и нередко палатализуют предшествующий согласный: *даар'и* → *даэръ* (натертое место на спине лошади), *аал'аар* → *азлаар* (тихо), *мор'ин* → *м'орон* (лошадь), *байха* → *б'азха* (стоять) и т. п. Исходный падеж имен получает окончание с кратким гласным, то есть вместо обычного для бурятского языка *-һаа* имеем *-һа*, в котором фарингальный *аиш* (*h*) или (довольно часто) превращается в предыхание (хиатус), или выпадает. Родительный падеж имен с конечным согласным получает окончание как *-и*, так и *-аэ*: например, говорят и *гар* — *гар'и*, и *гар* — *гараэ* (рука — руки). В эхирит-булагатском говоре наблюдаются довольно значительные лексические своеобразия. Как один из характерных примеров приведем бурятское название дома, которое является весьма динамичным: в Аларо-Унге говорят *соол*, в Бохане — *тура*, в Эхирит-Булагате — *базшан*.

Указанные выше и подобные им черты свойственны в той или иной степени языку всех эхиритцев, особенно верхоленским (качугским) бу-

бурятских говоров» [Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 17, серия языковедческая, вып. 1], Улан-Удэ, 1965, стр. 35—70.

¹ См.: Б. В. Матхеев. Эхирит-булагатский говор (краткое сообщение об особенностях фонетики, лексики). „Зап. БМ НИИК“, вып. XXII, Улан-Удэ, 1956, стр. 106—125; Его же. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 142—156; Его же. Очерк эхирит-булагатского говора. См. настоящий сборник.

² См.: А. Г. Митрошкина. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 283—295; Ее же. О лексических и морфологических особенностях говора качугских (верхоленских) бурят. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, серия востоковедная, Улан-Удэ, 1960, стр. 134—141; Ее же. Говор качугских (верхоленских) бурят. См. настоящий сборник.

рятам, которые по своему происхождению почти полностью относятся к эхиритским родам (в их числе, правда, есть лишь незначительное количество — процентов 7 — хоринских элементов). Современный Эхирит-Булагатский район в родоплеменном отношении распадается на две части: западную — булагатскую и восточную — эхиритскую, из которых последняя численно лишь немного превалирует над первой. Тем не менее в языковом отношении нет серьезных оснований делить их на разные диалектные единицы. Правда, в булагатской части несколько особняком выглядят курамчинцы, проживающие в семи-восьми селах. В своем языке они имеют некоторые лексические своеобразия (например, «ягненок» у них не *хурган*, а *хурwэ*). Конечно, и на Качуге имеются некоторые языковые различия. Здесь местами окажут: например, говорят не *угаа*, а *огоо* (очень); изредка встречаются слова, звучащие по-монгольски: пожилые люди порою говорят *одохо* вм. *ошохо* (идти) и т. д.

В нашем многодиалектном языке вообще очень часты факты лексических, фонетических расхождений. Они бесспорно подлежат тщательному выявлению и всестороннему рассмотрению. Однако при выделении территориальных говоров должны быть приняты во внимание широко распространенные, по возможности охватывающие весь массив того или иного говора, явления как лексического, так и в особенности фонетического и грамматического характера, взятые в их совокупности. При этом следует учитывать и историко-этнические факторы. Важно также, чтобы языковые данные были соотнесены с территориальной целостностью расселения их носителей.

С этой точки зрения заслуживает внимания язык бурят, проживающих в Ольхонском районе Иркутской области. По этническому составу они в основном (должно быть, процентов на 80) относятся к эхиритским и присоединившимся к ним родам, остальная их часть — к булагатским и присоединившимся к ним родам. Таким образом, ольхонские буряты по своему происхождению мало чем отличаются от бурят Эхирит-Булагатского района.

Основное ядро ольхонцев, по их преданиям, живет на местах нынешнего своего расселения 10—12 поколений, то есть лет 300—350. Между прочим, примерно столько же времени живут в отрыве от своих эхиритских сородичей баргузинские и байкало-кударинские (кабанские) буряты, абсолютное большинство которых также является эхиритцами, и лишь небольшая их часть — булагатами. По-видимому, нельзя считать случайностью поразительное сходство родового состава бурят, живущих в Ольхонском, Кабанском и Баргузинском районах: здесь всюду встречаются представители эхиритских родов шоно, хэнгэлдэр, абзай, баяндай и присоединившихся к ним цыгенутов и нохойруков (галзутов), представители булагатского рода алагуи и некоторые другие.

До сих пор по существу мы не имели сведений о языке ольхонских бурят. Только в 1964 г. наш отряд занимался сбором языковых материалов по северному побережью Байкала и на острове Ольхон. Правда, данных, собранных отрядом, мало. Но и они свидетельствуют о том, что язык бурят, живущих по северному побережью Байкала, западнее села Курмы, и на острове Ольхон, в основном тот же, что и язык байкало-кударинских бурят. Например, там можно встретить *загъуун* вм. *заган* (рыба), *дуи б'а́рха* вм. *дуу бариха* или *дуулаха* (петь песни), *м'орон* вм. *мор'ин* (лошадь) и т. п. Язык же бурят, живущих в более восточной части северного побережья Байкала и острова Ольхон, сильно напоминает язык баргузинских бурят. Здесь говорят *загъуун* (рыба), *шоогоэ* вм. *ямаан* (коза), употребляется модальная частица *браз* — *ар'илаа браз* (кажется, ушел) и т. п.

Вполне возможно, что между этими частями байкальского прибрежья имеются некоторые языковые различия. Тем не менее для нас стало ясно, что в рабочем (стало быть, пока в предварительном) порядке уже можно говорить, во-первых, о включении в территорию баргузинского говора сел Кочерково, Онгорены и Зама Ольхонского района¹; во-вторых, о выделении ольхоно-кударинского говора².

Таким образом, экспедиционные материалы отдела языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института показывают, что западнобурятское наречие простирается вплоть до Баргузина и Байкало-Кудары. Более того, язык бурят, населяющих Тунку, Оку и Закамну³ (ввиду того, что в лексико-фонетико-грамматическом отношении он представляет собой известное единство, при определенной этнической и относительной территориальной общности его носителей), можно считать возможным выделить в один тункино-закаменский говор, который следует отнести также к западному наречию, поскольку этот говор вполне подходит под общую характеристику названного наречия, данную в начале настоящего сообщения; к тому же не следует забывать, что основные носители тункино-закаменского говора — это хонгодоры, как и носители собственно аларского говора.

Итак, западнобурятское наречие, по нашим данным, имеет в своем составе нижнеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский, баргузинский, ольхоно-кударинский и тункино-закаменский говоры.

Чем объяснить предложение объединить некоторые говоры в один говор и многие говоры в одно наречие? По нашему мнению, это объясняется довольно просто. Раньше тот или иной исследователь брал заранее заданный, нередко в административном, географическом или в каком-либо другом отношении очерченный участок, исследовал его, часто не зная и не имея возможности знать то, что лежит за этим кругом. Нами же экспедиционным путем были обследованы все перечисленные выше места, в результате чего обзор был более широким. Изучив описания прежних исследователей, а также наш материал, мы пришли к выводу, что к размежеванию говоров необходимо подходить несколько шире.

Бурятские диалектные явления сильно переплетены не только в территориальном, но и во временном отношении. Они сложились в результате как внутреннего развития, так и внешнего влияния. Одни из

¹ О баргузинском говоре и его носителях см.: Э. Р. Раднаев. О лексических особенностях баргузинского говора. «Зап. БМ НИИК», вып. XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 146—162; Е. Г. Ж. О фонетических своеобразиях баргузинского говора. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 296—301; Е. Г. Ж. Баргузинский говор. «Исследование бурятских говоров» [Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17. серия языковедческая, вып. 1], Улан-Удэ, 1965, стр. 71.

² До этого принято было говорить о кабанском или байкало-кударинском говоре. См.: К. М. Черемисов. Заметки по бурят-монгольскому языку, IV. О кабанском подговоре. «Зап. БМ НИИКЭ», вып. VII, Улан-Удэ, 1947, стр. 125—136; Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 179—181; Д. А. Абашеев. Заметки по говору байкало-кударинских бурят. «Зап. БМ НИИК», вып. XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 132—145; Ц. Б. Цыдендамбаев. Краткая характеристика говора кударинских бурят. «Краткие сообщ. Ин-та народов Азии», № 83, монголоведение и тюркология. М., 1964, стр. 57—68.

³ О тункинском говоре и его носителях см.: К. М. Черемисов. Заметки по бурят-монгольскому языку, III. Несколько замечаний о тункинском диалекте. «Зап. БМ ГИЯЛИ», вып. III—IV, Улан-Удэ, 1941, стр. 121—140; Д. А. Абашеев. Краткие замечания по говору тункинских бурят. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 269—276; Е. Г. Ж. Тункинский говор. «Исследование бурятских говоров» (Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 17. серия языковедческая, вып. 1), Улан-Удэ, 1965, стр. 3—34.

них своими корнями уходят в далекое прошлое, другие — обусловлены более поздними событиями. Вот почему при дальнейшем углубленном изучении материалов, как собранных ранее, так и предполагаемых собрать, быть может, возникнет необходимость выделять, с одной стороны, диалекты по родству, как бы существующие наряду с территориальными наречиями, но далеко не совпадающие с ними; с другой — подговоры, находящиеся в составе тех или иных говоров и имеющие, наряду с общими моментами, частные особенности.

С точки зрения сказанного заслуживают внимания те диалектные черты, которые остаются присущими языку потомков больших бурятских племен. Есть известное основание говорить о хоринском, эхиритском и, может быть, булагатском диалектах. Но имеется ли такое же основание говорить о родстве хонгодоровского и цонголо-сартульского диалектов?

Что же касается подговоров, то здесь имеется в виду не распадение говора на подговоры¹, то есть на какие-то равные по значимости части, а та его часть, которая с некоторого времени или попала под влияние говора, или стала выделяться от говора, от его ядра. По нашему мнению, например, эхирит-булагатский говор не делится на равнозначные подговоры: ни на эхиритский и булагатский, ни на собственно эхирит-булагатский и качугский, а в его составе находится верхоленский (качугский) подговор, который по отношению к говору занимает подчиненное положение. Допустимо предположить, что в состав аларо-унгинского говора могут входить унгинский и ныгдинский подговоры, а в состав тункино-закаменского говора — закаменский и окинский подговоры и т. д.

О возможности более усложненного диалектного членения языка бурят здесь говорится лишь в порядке постановки вопроса. Дальнейшая диалектологическая работа покажет, будет ли это соответствовать реальной действительности.

В послевоенный период довольно интенсивно стало разворачиваться изучение бурятских говоров: а) отдел языка и письменности БКНИИ СО АН СССР своим экспедиционным обследованием охватил почти всю этнографическую Бурятию; б) бурятские диалектологи монографически описали тункинский, боханский, баргузинский, эхирит-булагатский, цонгольский, качугский, сартульский и хамниганский говоры; ими написаны статьи об этих, а также о байкало-кударинском, мухоршибирском и нижнеудинском говорах. Тем не менее надо признать, что изучение бурятских говоров идет не столько вглубь, сколько вширь. Для того, чтобы диалектологические работы стали более содержательными, необходимо улучшить как методы записи, так и методы исследования диалектных материалов.

Следует продолжить и усовершенствовать экспериментальное изучение фонетического состава бурятских говоров, начатое в 1960 г. При экспериментальном исследовании надо использовать не только приборы, производящие статические записи (рентгеноаппарат, кимограф и др.), но и приборы, дающие динамическую запись (осциллограф и др.).

Нам представляется, что предыдущие исследования, проведенные бурятскими диалектологами, вполне подготовили условия для лингвогеографического изучения очень интересного в диалектологическом отношении языка бурят. Отдел языка и письменности КНИИ СО АН СССР планирует начать такую работу с 1966 г. Для выполнения этой работы

¹ См.: Т. А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. «Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров». Улан-Удэ, 1961, стр. 23.

прежде всего должны быть составлены вопросники (программа) и планы проведения диалектологической работы по методу лингвистической географии. Цель такого исследования — создать диалектологический атлас бурятского языка.

Тщательно анализируя собранный материал и умело используя передовые методы исследования, бурятские диалектологи должны резко повысить уровень своих работ. Следует уже перейти от обычного описания фактов к их осмыслению и обобщению, от обычного синхронного к ним подхода — по возможности к диахронному (историческому) их объяснению.
